

Андрей Лазарчук
Ирина Андронати

КОСМОПОЛИТЫ

Сироты небесные

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук А., Андронати И.

Л17 Космополиты : Сироты небесные : [роман] / Андрей Лазарчук, Ирина Андронати. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 319 с. — (Серия «Пальмира — фантастика»).

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбореализмом».

Колония землян, затерянная на далекой планете.

Помощи нет, связь утеряна.

Их задача — выжить. Научиться жить заново.

Но — грядет война, страшная битва человечества и «чужих»...

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-521-73920-2

© Лазарчук А. Г., Андронати И. С., 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские технологии», 2021

На самом деле чёрную кошку
в тёмной комнате найти чрезвычай-
но легко — особенно если ты мышь.

Я. Дворжак

ПРОЛОГ

*Корабельный день 1374-й,
то есть примерно 1 сентября 1984 года.*

Разбудили пинком.

Тяжело и паутинно-липко что-то снилось, выдраться из этого не удалось, а просто в паутине возникла фиолетовая муть корабельного трюма и вонючее месиво тел — все двери и перегородки поднялись, пространство распахнулось, — и звуки, как обычно, гасли, оставив после себя только шипение и шерстяной шорох, будто сплелись и не могут разобраться множество мохнатых раздражённых пауков...

Потом Олега пнули ещё раз, плеснули водой в лицо и рывком поставили на ноги, и тогда он понял, что в мире что-то по-настоящему изменилось. То есть стояла всё та же фиолетовая полутьма, в которой далёкие предметы казались невозможно резкими, а близкие теряли контуры и пропадали вовсе. Все куда-то рвались, с беззвучным ором, как рвались уже не один раз, приходя в исступление от однообразия, готовые хотя бы и на смерть — лишь бы что-то переменялось; и как все-

гда в дни бунтов, включалось подавление звуков — и в этом проклятом шорохе потрескивали слабые белые искорки «прижигалок»... Проклятье, он не мог проснуться, всё было как всегда, его тряс за грудки Ярослав и лупила по морде Ленка, очнись, очнись, очнись же! — а он всё падал обратно на нары, ноги не слушались.

Пол под ногами провернулся и ухнул вниз, все повалились, а Олег наконец пришёл в себя. Иллюзия падения, испуг, он всегда боялся высоты... это подействовало, как понюшка нашатыря.

Он снова был.

Лёгкий и прочный, словно скрученный из пружинной проволоки.

И голова ясная, слишком ясная, пустая, потом это пройдёт, он знал.

На полусогнутых, расставив руки и чуть склонив голову, он балансировал на палубе, уходящей из-под ног; её корежило и выкручивало, как хлипкий плот, угодивший в бурю.

Он удерживался, он крепко стоял, как будто от этого что-то зависело.

Потом стало тяжело, ещё тяжелее, и он сел, не удержался, лёг.

Вдруг загорелся свет. Это было не дневное освещение и не вечерняя подсветка — а зеленоватые волны, медленно бегущие по воздуху сверху вниз.

Воздух стал полосатым.

Потом прекратился шорох глушения, и в уши врезался многоголосый крик.

Можно встать.

Можно встать. Палубу уже не качает, но кажется, что она чуть наклонена.

— ...финиш! — это кричал Ярослав. — Финиш, финиш, финиш!

И Ленка прыгала рядом.

И вдруг голова раздулась, как воздушный шарик; дикой болью пробило уши. Воздух рванулся, что-то полетело и закружилось.

Снова крики. А потом Олег увидел, как упали барьеры, отгораживавшие трюм от центрального отсека.

Словно днище исполинской закопчённой кастрюли, висел вверху мостик. Трапы были убраны, на тонком ободке галереи стояли несколько пилотов в голубом и смотрели вниз. Вокруг мостика отсвечивали огромные тёмные выпуклые линзы — катера. В одном из них его привезли сюда, беспомощного и вялого, как снулая рыба.

Почти все нары тогда ещё были пустыми...

Зелёные волны света сбегали оттуда, омывали весь громадный, как стадион, трюм, и сходились в самом низу. Там зияло чёрное отверстие люка — открытого настежь. Он был огромен, этот люк.

И настала тишина. Кто-то плакал, но это не считалось.

Три тысячи сто двадцать четыре человека молча смотрели в пятно черноты.

Удар сердца. Ещё удар.

Потом снова начался ужас.

Врубили сирены — не слишком громкие, их можно было переорать, но — нельзя было пересилить нагнетаемый ими ужас. Разве — удавалось какое-то время держать себя в руках...

Потом по проходам между нарами побежали надсмотрщики в сером, грозя «прижигалками», люди хва-

тали пожитки, неслись к люку. Спокойно, говорил Ярослав, он сгрёб Ленку, она молча билась, спокойно, мы дома, уже дома...

Олег выволок из-под нар их общий с Ярославом мешок. В числе прочего там лежал маленький нож, выточенный из подвернувшейся во время очередного бунта полоски тёмного металла.

У Ленки пожиток не было: с месяц назад всё украли. Пытались искать, но ничего так и не всплыло.

Ближе к люку двигались уже в плотной толпе, всё медленнее и медленнее. Кто-то упал. Подняли, понесли. Олегу попало «прижигалкой» — в задницу, на самом слабом уровне, и следа не останется — но всё равно: заныло в боку, в плече, под сердцем, — напоминающая о событиях прошлого лета...

А потом — пахнуло в лицо холодным, почти морозным воздухом. Сирены замолкли, но от этого стало страшнее.

Олег ещё запомнил, как спускались по трапу. Потом — вспыхнул молочно-белый непрозрачный свет...

Прошёл год.

Потом ещё год.

Потом прошло десять...

Олег встал. Тело слушалось, но не точно, забывчиво, с запозданием.

Тьма была та, от которой за прошедшие годы отвыкли: чёрная. Прямо и высоко горел лохматый беззвучный и бесцветный огонь. Изредка от него отрывались искры и падали вниз.

Шёл медленный, редкий и очень тёплый — парной — дождь.

Олег повернулся к огню спиной. Перед ним открылось поле сражения: земля была устлана телами. Ме-

стами плавали клочья тумана. То здесь, то там кто-то понуро бродил между телами.

Сначала по рукам, затем по ногам побежали мурашки. Он захотел лечь, но не лёг. Земля была покрыта густой полёглой травой, но почему-то казалось, что ложиться нужно в вонючую липкую грязь.

Потом, будто по неслышной команде, лежащие зашевелились и стали подниматься. Они двигались, преодолевая незримое сопротивление, разрывая невидимые путы. Встающих было много, очень много...

Олег понял, что всё это время сдерживал дыхание. Можно сказать, вообще не дышал.

Воздух наполнил и разорвал ему грудь. Воздух пах землёй и водой, травой и старыми листьями — как в Крыму поздней осенью. Им нельзя было надышаться. И он пьянил наповал.

Кто-то неуверенно крикнул: «Ура...»

...Они обнимались со всеми подряд и что-то кричали, и кто-то плакал. Они охрипли от смеха и кашля. Огонь в небе погас, но тут же что-то хлопнуло, свистнуло, и другой огонь повис в другом месте. Потом к Олегу протолкался Стасик Белоцерковский, кажется, самый младший из захваченных — если не считать совсем уж маленьких, родившихся на корабле.

— Олег Павлович, Олег Павлович! — он хватал Олега за рукав, отпускал, снова хватал. — А Елена Матвеевна? Её не видели? Очень нужно!

— Что стряслось? — с трудом спросил Олег; горло уже с трудом пропускало звуки.

— Вот! — Стасик разжал кулак. На ладони лежали смятые листья. — Там дерево. Я подобрал...

Олег непослушными пальцами взял один листик. Расправил. Поднёс к глазам. Было мало света.

— Дуб, — сказал он, ещё не веря себе.

— Я тоже подумал, что дуб, — прошептал Стасик. — Около нашего дома рос дуб. Я вроде бы помню, какие листья...

— Что там у вас? — хрипловато спросила Ленка, подходя.

— Для тебя, ботаник, — сказал Олег. — Дуб?

Ленка взяла листик. Долго всматривалась.

— Наверное, — сказала она. — Дубов много... разных. Какой-то из них. Да, наверняка дуб. Или чёрный, или каменный.

— Каменный, кажется, растёт в Америке, — с сомнением сказал Олег.

— Родом из Америки, — поправила Ленка. — А потом развезли повсюду.

— То есть — мы на Земле?

Ленка, закусив губу, кивнула. Потом бросилась Олегу на шею. Она ревела — как всегда, беззвучно.

Зато Стасик издал вопль, подпрыгнул на два метра вверх, размахивая кулаком, и помчался сквозь толпу:

— Земля! Земля! Это Земля!!! Мы на Земле!!!

Его хватали, он вырывался, бежал дальше...

Олег почувствовал, что не может больше дышать, и закашлялся.

— Тут это... — Ярослав похлопал Олега по спине. — Не всё так просто, по-моему...

— Что? — Олег повернулся к нему, продолжая крепко держать Ленку.

— На огонь не смотри только... а вон туда. Видишь?

Олег поднял голову. Проследил направление Ярославовой руки.

Небо, похоже, было закрыто сплошными облаками. И в одном месте эти облака словно бы набухли горя-